

Михаил ВИШНЕВСКИЙ

Научные идеи и повседневные наблюдения

О социальной философии А. А. Зиновьева

Александр Александрович
Зиновьев.

Современная социальная философия не отличается богатством и разнообразием новых идей. Поэтому целесообразно внимательно отнестись к опубликованным в последние десятилетия работам Александра Александровича Зиновьева, имеющим неоспоримое мировоззренческое значение и, что также очень важно, написанным ясно и доходчиво. В этих работах настойчиво подчеркивается необходимость разграничивать научное исследование общественных явлений и их субъективную оценку, ни коим образом не смешивать науку и идеологию. Науку отличает прежде всего объективная беспристрастность, т. е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследований интересам каких-то категорий людей или нет. Правда, неукоснительно выполнять требование, чтобы

социология была строго научной в смысле полной объективности и беспристрастности, весьма непросто, что и демонстрируют сочинения самого Зиновьева.

Беспристрастность, как справедливо отмечает он, означает отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, избегание поспешных и категорических оценок. Приходится, однако, признать, что ему не всегда удается оставаться беспристрастным и, обсуждая, несомненно, волнующие его вопросы, отстранять эмоционально насыщенные оценочные суждения. Так, коммунизм, каким тот реализовался в СССР, он связывает с преобладанием отношений коммунальности на всех уровнях общественной жизни. При этом Зиновьев утверждает, что ничем не отграничиваемое действие законов коммунальности ведет к процветанию лицемерия, насилия, коррупции, бесхозяйственности, обезлички, халтуры, хамства, лени, обмана, серости, служебных привилегий, превознесению ничтожеств и подавлению ярких дарований, господству скуки, тоски и застоя. Понимая причины обличительного пафоса всех этих характеристик, можно все же усомниться в строгой их беспристрастности.

Вместе с тем, знакомясь с работами Зиновьева, нетрудно заметить, что некоторые его оценки с течением времени претерпели весьма значительные измене-

ния. Перелом наступил с началом перестройки в СССР. До этого он заявлял, что «борьба против коммунистической тенденции — в интересах всех»; в последующем он высказывал неподдельную тревогу по поводу того, что западный тип общественного устройства («западнизм») одержал окончательную победу над коммунизмом и лишил последний шансов развиваться и трансформироваться в соответствии со своими внутренними закономерностями.

В обобщающей монографии раннего периода формирования его социально-философской концепции, названной «Коммунизм как реальность» и написанной в ФРГ в 1980 году, он рассматривал коммунизм как антипод цивилизации. В дальнейшем он пересматривает свою позицию и формулирует вывод о том, что коммунизм и западнизм — это два варианта развития в рамках западной цивилизации¹. Теперь он уже открыто заявляет, что в коммунистическом типе общественного устройства есть немало достоинств, и во всяком случае признает за ним право на самостоятельное развитие, прерванное усилиями внутренних и внешних противников.

В поздних работах Зиновьева излагается концепция, претендующая на преодоление принципиальных недостатков как принятой в СССР и других странах коммунистического типа официальной марксистско-ленинской доктрины, так и многочисленных обществоведческих сочинений западных авторов. Эти труды, по его убеждению, будучи любопытными в деталях, в целом совершенно не годятся «для научного понимания важнейших социальных феноменов современности — реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества», который произошел во второй половине XX века и представляет собой сокрушительное поражение коммунизма.

Главное внимание Зиновьева привлекают человеческие объединения, их историческая судьба. Очевидно, такие объединения весьма разнообразны, и размытое обычно понятие общества он «приберегает» для характеристики вполне определенного их типа. Для того, чтобы дать обоснованное определение тех человеческих объединений, которые представлены современными высокоразвитыми странами, задающими основной вектор общественного развития наших дней, он вначале выделяет из множества человеческих объединений те, которые называет *человеиниками*. Затем он определяет специфическую сущность таких *человеиников*, как общества, и далее обсуждает переход от эпохи обществ к эпохе *сверхобществ*, в которой мы теперь живем. *Человеиники* более низкого уровня, чем общества, выступают как предобщества, а более высокого — как сверхобщества.

Человеиником Зиновьев называет не всякое объединение людей (они ведь бывают случайными и временными), а такое, члены которого устойчиво живут совместной исторической жизнью. Они воспроизводят себе подобных, вступают между собой в регулярные связи, занимают в этом *человеинике* различные позиции, выполняют определенные функции, что и обеспечивает самосохранение *человеиника*. Различные *человеиники* могут иметь более или менее сложное строение. По убеждению Зиновьева, никакого единого универсального фактора, определяющего структурирование, функционирование и эволюцию *человеиников*, не существует. Тем самым отбрасываются монистические (материалистические либо идеалистические) истолкования социальной действительности.

Человеиники рассматриваются как многомерные образования. Они организуются и эволюционируют одновременно в разных направлениях или измерениях. Каждое из их измерений имеет свои закономерности, не сводимые друг к другу. Все эти измерения, вместе с тем, переплетаются, взаимно проникают друг в друга. Только теоретическим путем, посредством абстракции их можно выделить в «чистом» виде и в наиболее характерных проявлениях.

¹Зиновьев А. А. Фактор понимания / М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. — 528 с.

²Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, 2000. — 638 с.

Каковы же эти измерения или, как их еще называет Зиновьев, средства социальной организации *человеиников*? Он полагает их общеизвестными и называет в этой связи власть и управление, деловые «клеточки» и соответствующую им сферу хозяйства, а также сферу религии и идеологии. Совместно они обеспечивают единство *человеиника* и условия жизнедеятельности всех его членов. Для этого между данными измерениями или, как он еще их называет, факторами устанавливается взаимная согласованность, достигаемая путем их «притирки», приспособления друг к другу. Все компоненты социальной организации должны рассматриваться в комплексе, иначе возникает путаница, сопровождаемая бессмысленными спорами о словах.

В разных *человеиниках* роль указанных факторов может быть неодинаковой. В одних может доминировать власть, в других хозяйственная сфера, в третьих — религиозная сфера. Зиновьев проводит отчетливое различие между деловым и коммунальным аспектами *человеиника*. «В первом люди делают все то, что необходимо для их существования, вырабатывают, сохраняют и совершенствуют трудовые навыки и средства труда, создают материальную культуру. Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться».

В примитивных *человеиниках* эти аспекты еще нераздельны; в дальнейшем они обособляются, хотя определенное их единство продолжает сохраняться. Так, отношения начальствования и подчинения имеют одновременно и деловой, и коммунальный, а также и менталитетный аспекты. В *человеиниках* западного типа деловой аспект доминирует над коммунальным; наоборот, в *человеиниках* коммунистического типа коммунальный аспект преобладает над деловым. В экономике вообще доминирует деловой аспект, а в государственной жизни — коммунальный. Выделение менталитетного аспекта Зиновьев связывает с другим измерением *человеиника*. Этот аспект охватывает возникновение и развитие верований и религиозных культов, а затем и философии, науки, искусства. В современных *человеиниках* данный аспект достигает масштабов двух других основных аспектов.

Деловой аспект не сводится только к добычанию и производству материальных ценностей, а охватывает и создание культурных ценностей, средств развлечения, средств управления людьми и вообще все, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как полезное, удовлетворяющее какие-то жизненные потребности людей. В коммунальном аспекте люди поступают в соответствии с законами *экзистенциального эгоизма*, или рационального расчета, продиктованного соображениями собственной выгоды. Такие поступки Зиновьев находит совершенно естественными. Для их регулирования в *человеинике* вырабатываются и закрепляются традицией или какими-то другими путями правила (нормы) поведения, способы принуждения к соблюдению этих правил и наказаний за их нарушение. Законы *экзистенциального эгоизма* диктуют удовлетворение человеком своих интересов за счет других людей, а также стремление помешать конкуренту добиться успеха; они порождают враждебное отношение к людям с выдающимися способностями, которые создают угрозу «серостям». Но люди в процессе социализации приучаются маскировать свои действительные мотивы. Совместно они вырабатывают средства обуздания буйства коммунальности (религию, мораль, идеологию, право). Тем не менее, если человек хочет достичь успеха, он должен отрешиться от внутренней моральности и развить способности к моральной мимикрии.

Законы рационального расчета, полагает Зиновьев, действуют и в отношении *человеиников* в целом, ибо эти объединения людей выступают как своеобразные коллективные личности. Целые страны ведут себя так же, как и отдельные люди, ставя на службу коллективному эгоизму политику, дипломатию, исследователь-

ские центры и т. д. и прикрывая свои цели и действия лицемерными объяснениями и декларациями.

Человекитак, как утверждает Зиновьев, «возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно на трех уровнях — на микро-, макро- и суперуровне». Объекты первого — это отдельно взятые люди и их объединения в виде различных социальных ячеек, или *клеточек*. В каждой из них, если она насчитывает хотя бы несколько человек, выполняется функция управления через выделение руководителя. Разделение людей на начальников и подчиненных видится Зиновьеву самой глубокой основой неравенства в распределении социальных позиций и жизненных благ. Каждый *человекитак* имеет клеточную структуру. Клеточки могут быть основными, выполнять производственную функцию; они могут выполнять также и другие функции. Положение человека в клеточке, к которой он относится, определяет его положение в *человекитаке* в целом.

Макроуровень *человекитак* характеризуется основными сферами, охватывающими весь этот *человекитак* и состоящими из социальных клеточек, выполняющих соответствующие функции. Основные сферы соотносятся с ключевыми аспектами *человекитак* (коммунальным, деловым и ментальным) и выступают соответственно как сферы власти и управления, хозяйства, менталитета. Возникают данные сферы в результате разрастания и дифференциации соответствующих аспектов *человекитак*. В высокоразвитых современных обществах это сферы государственности и права, экономики, идеологии. Если преобладания возникают стихийно, без осознанного намерения и плана, то в образовании общества, по мнению Зиновьева, значительную роль играют сознательные факторы. Это не означает, конечно, что все люди четко понимают происходящее. Усилия людей целенаправлены в том смысле, что они вытекают из объективной необходимости, диктующей формы преобразования прежней организации социальной жизни и связанные с этим конкретные задачи.

Все компоненты данной организации связаны между собой; у разных обществ они неодинаковы. При описании социальной организации общества в теоретически «очищенном» виде нужно, по мнению Зиновьева, начинать со сферы государственности (власти и управления), ибо определение других сфер предполагает ссылку на государство и невозможно без нее, тогда как государство можно определить и само по себе. Обосновываемое в обсуждаемых здесь работах понимание государства радикально расходится с марксистской социальной-философской концепцией и базируется на осмыслении современных реалий жизни общества. Они же показывают, что борьба антагонистических классов и стремление экономически господствующего класса к установлению своей политической власти не играют существенной роли в происходящих в наше время процессах возникновения новых государств. Примеры — распад СССР и Югославии.

Государство многомерно и многоаспектно. Оно «возникает и для самого себя, и для привилегированных классов, и для всего общества. Ошибочно раздувать какой-то один из этих аспектов в нечто абсолютное и всеобъясняющее». Если нет государства, то нет и общества, хотя здесь важны также и другие процессы. Правда, государственность — хотя и необходимый, но не достаточный признак общества. Функция государственности состоит в том, чтобы обеспечить жизнь и самосохранение общества как целого. Это целое есть необходимое условие удовлетворения частных интересов (в разной степени и не всех). Такова совокупная тенденция. Поскольку появляется группа людей, занятых поддержанием и укреплением целостности общества, выражающая интересы целого, эта группа получает возможность заботиться и о себе посредством заботы об общественном целом.

Высшая власть в обществе — это власть политическая. Ее функцией является власть над всей совокупностью власти в обществе и через нее над обществом как целым. Таким путем система власти приобретает характер государственности

в ее развитом виде. Вместе с государством и в неразрывной связи с ним возникает право. Государственная власть имеет монопольное право на законодательную нормативную деятельность, а также право суда и право наказания за преступления против закона.

Экономика, по Зиновьеву, представляет собой особый тип хозяйства, специфический именно для общества, т. е. функционирующий при наличии государства и права. Государство придает хозяйственным отношениям и деятельности узаконенную форму, сообщает этим отношениям целостность, вводя денежную систему, регулярный обмен и т. д. Оно служит экономике, поскольку экономика служит ему самому.

Идеологическая сфера тоже функционирует в рамках государственных форм жизни определенного общества, становясь тем самым элементом его социальной организации. Данная сфера складывается в силу того, что жизнь общества имеет тенденцию к дальнейшему усложнению, и нужно сформировать определенным образом сознание составляющих его людей, нацелив его на сохранение целостности общества.

На заре человечества функцию идеологов выполняли колдуны, целители, шаманы; позже — служители религии. В наши дни это философы, социологи, писатели, журналисты и другие производители «духовной пищи»; судя по всему, не вызывающие особых симпатий у автора обсуждаемых работ. Идеологическая сфера опирается на государственную организацию общества, поддерживается ею, служит ей и сама использует ее в своих интересах. Заполняя сознание людей строго определенным идейным содержанием и обучая соответствующим способам работы сознания, идеологическая сфера делает основную массу людей, составляющих общество, неспособными мыслить самостоятельно и критично и направляет их на выполнение предназначенных для них социальных функций. По-иному, полагает Зиновьев, сознание в людях не пробудить — оно ведь не дается человеку от рождения и должно быть сформировано. Вот его и формируют таким, каким оно нужно для данного общества (управляемого, напомним, государством). Те, кому удастся вырваться из идеологической «клетки», рассматриваются как аномальные элементы. Большинство же людей, благодаря деятельности идеологической сферы в обществе, имеет усредненное и стандартизированное сознание.

Идеологию не обязательно фиксировать в виде четко сформулированного и систематизированного учения, как это было в великих религиях или в марксизме-ленинизме. Как правило, достаточно, чтобы крупницы идеологии были рассеяны повсеместно в источниках общедоступной и широко используемой информации. В главном вся эта информация внутренне согласована, ее фрагменты подкрепляют друг друга, что и характерно для весьма мощной идеосферы современных западных стран.

Идеологический способ мышления рассматривается Зиновьевым как антипод научного. Идеологи не ставят перед собой задачу выработать объективное понимание мира; они скорее создают искусственную схему миропонимания, которая навязывается людям в качестве неоспоримой и непререкаемой. Данное мышление пристрастно, оно оправдывает социальную организацию своего общества и защищает ее от врагов. Вымышленный мир, сконструированный идеологами, построен так, чтобы не мешать людям в их повседневной жизни. Скорее он даже помогает жить, избавляя от многих раздумий и сомнений, предлагая готовый набор общепринятых правил поведения, критериев оценки явлений социальной действительности. Отказ от привычной идеологии порождает у людей растерянность и тревогу.

Зиновьев полагает, что не все явления, возникающие в процессе эволюции человечества, могут быть ассимилированы обществами или удержаны в их рамках. Отсюда он заключает, что возможен качественно новый, более высокий, чем

общество, уровень социальной организации, который он называет *сверхобществом* и полагает, что этот уровень уже является реальностью. Сверхобщество видится им как диалектическое отрицание общества. Оно возникает в среде обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта и, вместе с тем, имеет иную социальную организацию, чем общества. Эпохи обществ и сверхобществ как бы накладываются друг на друга. Здесь имеет место не только диалектическое снятие общества, но и отрицание отрицания, предполагающее возврат по ряду признаков к начальной исторической эпохе — предобществу.

В рамках западной цивилизации, отмечает Зиновьев, развились две линии социальной эволюции человечества — западнистская и коммунистическая. Они конкурировали между собой, непримиримо боролись за роль лидеров и за мировую гегемонию и были важнейшими зонами роста в эволюции современного человечества.

Западнизм — это социальный строй стран западного мира. Начало ему положило успешное развитие западноевропейских народов, которые затем распространили свое влияние на другие страны и континенты. Слово «западнизм» введено Зиновьевым потому, что другие, привычные определения — капитализм и демократия — он находит неполными, односторонними и полагает, что они стали в наше время скорее идеологическими выражениями, нежели научными терминами. Демократия не исчерпывает западнистскую государственность, которая включает также мощную и довольно стабильную часть, состоящую прежде всего из административно-бюрократического аппарата, не связанного с действием принципов демократии. Формируется данная часть путем назначений, а не через выборы, и работает она на основе приказов, негласности, беспартийности. Именно эти люди составляют преобладающее большинство кадрового состава западнистской государственности. Вообще предназначение системы выборов видится не в том, чтобы реализовывать идеалы демократии, а в том, чтобы отбирать в органы власти каких-то людей, действия которых будут признаваться легитимными.

Характеризуя социальные клеточки, представленные в обществе, Зиновьев различает те из них, которые создаются решением властей, и те, которые возникают по инициативе частных лиц и организаций. В западнистском обществе есть и те, и другие, но клеточки, порожденные частной инициативой, составляют подавляющее большинство и играют ведущую роль, что и позволяет охарактеризовать данное общество как частно-предпринимательское. Жизнь таких клеточек всецело посвящена делу, для которого они созданы. Коллективами в строгом смысле этого слова они не являются; нет в них и внутриклеточной демократии, характерной для коллективов в коммунистическом обществе. В деловых клеточках царит деловая диктатура. «Западное общество, будучи демократическим в целом, т. е. политически, является диктаторским социально, т. е. в деловых клеточках». Потребности в непосредственном общении с другими людьми, в личных неделовых контактах здесь удовлетворяются вне сферы трудовой деятельности, вне ее первичных клеточек.

Западнистская экономика достигла небывалых высот. Вместе с тем в этой сфере, как отмечает Зиновьев, происходят огромные изменения, которые означают, что чрезмерное развитие экономики породило сверхэкономику как один из элементов сверхобщества. Западное общество практически полностью состоит из собственников того или иного рода; отношения собственности переплелись и невероятно усложнились, равно как и отношения по поводу управления производством. В этих условиях различия между частными и государственными предприятиями во многом утрачивают социальный смысл; а ведь из этих различий обычно исходят, противопоставляя экономику капиталистического и коммунистического общества.

Идеологическая сфера в западных странах является даже более мощной, чем она была в коммунистических. В области идеологии западное единство стало

складываться раньше, чем в экономической и политической сферах. Эта идеология, будучи растворенной во всех формах культуры и поэтому как бы незаметной и ненавязчивой, плюралистична в том смысле, что она состоит из множества учений, идей, направлений мысли, которые нередко противоречат друг другу, особенно если они предназначены для интеллектуальной элиты. Тем не менее, данный плюрализм предполагает внутреннее единство, подобно тому, как, скажем от себя, конкурентная борьба в экономике подчиняется общим «правилам игры» и направляется общей заботой о прибыли.

Идеологический плюрализм является элементом гражданской демократии, выражением характерных для нее разнообразных «духовных» потребностей. Вместе с тем идеология западнизма как целостность имеет внегрупповой и внеклассовый характер. В этом отношении ее положение в обществе сходно с положением государства. Она живет и развивается, поскольку есть множество занимающихся ею людей, имеющих стабильное положение в обществе, влияние в нем, а производимая ими продукция устойчиво пользуется спросом. В последнее время, когда коммунизм как альтернатива западнизма оказался повержен, западнистская идеология переняла у коммунистической самооценки защищаемого ею общества как вершины социального прогресса. Стали даже высказываться суждения о «конце истории».

Система ценностей западнизма, восхваляемая и пропагандируемая его идеологией, выпячивает на первый план то, «что в течение многих веков считалось пороками и наихудшими проявлениями свойств человеческой природы». Подобно тому, как в деловой сфере символическая и производная экономика берет верх над реальной и основной, в системе ценностей господствующее положение приобретают символические и производные ценности. Создатели фундаментальных ценностей культуры привлекают гораздо меньше внимания широкой аудитории, чем герои развлекательных сюжетов; исполнители намного популярнее, чем творцы. Система ценностей западнизма переросла в систему соблазнов, транслируемых с помощью средств массовой информации. Уровень жизни населения в целом вырос, но соблазнов стало намного больше, и это делает жизнь многих людей исполненной страданий.

Идеалы здесь вообще не играют никакой роли. В истории человечества, как полагает Зиновьев, они овладевают людьми лишь на непродолжительное время и в порядке исключения. Таким исключением «была ситуация с коммунистическими идеалами. Мне даже кажется, что никаких других общественных идеалов в строгом смысле слова вообще не было и нет. Падение влияния коммунистических идеалов означает просто торжество заурядного, будничного, прозаического, прагматичного и т. д. западнизма».

Реальный коммунизм, по убеждению Зиновьева, представляет собой особый тип общественного устройства, классическим образцом которого является социальный строй Советского Союза в лучшие его годы. Советский общественный строй сложился вовсе не в результате насилия, а вследствие действия объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм при вполне определенных — и весьма неблагоприятных — исторических условиях. Основы прежнего социального строя дореволюционной России развалились; разоренная страна была отсталой и преимущественно крестьянской. При создании нового строя классы частных собственников действительно были ликвидированы. Все взрослое трудоспособное население было организовано в стандартные ячейки — деловые коллективы, через которые получалось вознаграждение за труд, необходимое для жизни. Была создана единая централизованная система власти и управления, а также единая плановая экономика, контролируемая и управляемая государством, по отношению к которому все члены трудовых коллективов стали наемными работниками.

Сформировалась централизованная и унифицированная система образова-

нии и воспитания молодежи, государственная идеология и соответствующий идеологический аппарат. Население получило полный комплект минимальных социальных благ. Для защиты страны от внутренних и внешних угроз были созданы мощные карательные органы, органы общественного правопорядка, вооруженные силы. Государство не только не умерло, а значительно укрепилось. Не исчезли и деньги. Социальное неравенство приняло новые формы, связанные прежде всего с различием статуса управляющих и управляемых. Уровень благосостояния населения остался невысоким в сравнении с преуспевающими западными странами. Производительность труда тоже отставала от лучших мировых показателей.

Коммунизм, с точки зрения Зиновьева, не возникает путем самоорганизации масс, а строится при решающей роли системы власти и управления в объединении людей. Именно структурирование системы власти и управления, а не экономика как таковая, образует здесь основу социального структурирования. Последнее происходит преимущественно в коммунальном аспекте и благодаря этому также и в других аспектах. После революции 1917 года перед страной встал вопрос о выживании. Необходимая для этого социальная организация создавалась из обломков прежней при направляющей роли профессиональных революционеров, знакомых с учением марксизма. В России существовала давняя традиция сильной государственной власти, способной удерживать единство политичекой страны с огромной территорией и редким населением. Новая власть в целом была принята населением. Эта власть использовала привычные для него традиции коллективного действия. С самого начала она стала превращаться в *сверхгосударственную-коммунистическую*. В стране в силу особых исторических условий сразу начало складываться сверхобщество как господствующий элемент жизни. Идеальные основы этого сверхобщества составляло учение марксизма, сложившееся в рамках западной цивилизации. В свою очередь, многие люди на Западе рассматривали русскую революцию как начало революции в западном мире и поддерживали ее.

Сталинскую власть Зиновьев рассматривает как подлинное народовластие, которое и породило террор и другие эксцессы. Люди пришли во власть «снизу», профессиональный аппарат государственного управления еще предстояло создать. Для управления социальной стихией нужна была сверхвласть с ее волюнтаризмом, прямой связью масс и вождя, культом личности верховного вождя. Благодаря всеохватности практически всего трудоспособного населения в демократически функционирующие коллективы множество людей приближалось к публичной социальной жизни. Коллективистская жизнь охватывала все значимые аспекты существования людей, создавала социальную основу нового общественного строя. Стержень государственной организации и всей общественной жизни составляла коммунистическая партия. Когда этот стержень был разрушен, рухнула и вся общественная система советского коммунизма. Зиновьев уверен в том, что это не было естественной смертью; жизнь коммунистического общества была искусственно прервана усилками внешних врагов и внутренних предателей.

Опыт советского коммунизма показал, что сформировалось здесь сверхгосударство, охватывающее и регулирующее все стороны жизни страны и подчиняющее это регулирование и управление задаче обеспечения жизнедеятельности социального целого, при определенных условиях необходимо и возможно. Такое всеобщее государственное создает немало проблем и трудностей, но оно обеспечивает и серьезные преимущества, особенно в критических ситуациях (пример — Великая Отечественная война). Цели государственного управления экономичекой здесь не являются чисто экономическими, а именно, прежде всего, социальный характер. Рассуждения о неэффективности коммунистической экономики базируются на привнесении к ней тех критериев и

показателей, которые выработаны в рамках совсем другой, капиталистической экономики. Собственно экономическая эффективность коммунистического хозяйствования ниже капиталистического, а вот социальная эффективность, полагает Зиновьев, выше.

Советская идеология стремилась привить людям гуманистические ценности. Предпринимались небезуспешные попытки включить в их систему ценность трудовой деятельности. На Западе люди работают лучше, но труд здесь, как правило, ценностью не считают. Коммунистическая идеология включила в свой состав тезис о самоценности человека труда, но этот тезис пришел в противоречие с законами человеческого общежития, не признающего равенства (и равной ценности) людей. Стремление «иметь» в основном возобладало над стремлением «быть». Западная идеология в конечном итоге получила и здесь благодатную почву для широкого распространения.

Многие люди осуждают духовный упадок западного общества, пытаются бороться с ним. Но, как отмечается в цитируемой работе, это не просто упадок, а существование в другом диапазоне норм, отличном от норм традиционного общества. Этот новый диапазон норм характеризует, по словам Зиновьева, формирующийся своеобразный этап в эволюции западных *человеишников* — сверхобщество. Западное общество не является моральным в своей основе, как и любое другое общество. Если мораль препятствует расчетливому прагматизму, она здесь без колебаний отодвигается в сторону. Мораль, правда, сохраняется в мелочах, и притом без риска создать какие-то неудобства и в расчете, что она будет видна со стороны.

Во всех сферах социальной организации западного общества происходит постепенное перерастание ее рамок; благодаря этому, как пишет Зиновьев, изменяется общая социальная ориентация западного мира. В экономической сфере главную роль начинает играть уже не сам факт обладания собственностью и даже не ее размеры, а положение в необозримо сложной системе собственности, аналогичное положению в системе отношений коммунальности. Важной оказывается в конечном итоге причастность к реальному руководству, как это и характерно для коммунальных отношений. Многочисленные проблемы в экономике вынуждают государство действовать наподобие коммунальной власти, активно вмешиваясь в текущую экономическую жизнь страны, в международные экономические связи. Политическая власть срастается с экономической опять-таки с преобладанием коммунальных аспектов и функций. В целом происходит возрастание роли законов коммунальности.

В средствах массовой информации, в художественной и специальной литературе иногда появляются материалы о существовании в системе власти западных обществ некоего феномена, выходящего за рамки государственности и фактически управляющего ею. По существу речь идет о западнистском сверхгосударстве. Десятилетия борьбы западного мира против коммунистического лагеря потребовали создания структур, координировавших и практически осуществлявших эту борьбу, и привели к их разрастанию и громадному усилению. После разрушения коммунизма данные структуры отнюдь не исчезли и не утратили своего влияния, ибо Запад должен был закрепить свои новые позиции в мире и давать ответы на возникающие новые вызовы.

Деятельность, о которой здесь ведет речь Зиновьев, не имеет никакого отношения к демократии и несовместима с подлинной гласностью; не случайно главную роль в ней играют спецслужбы. Необходимость координации усилий западных стран, направленных на защиту своих общих интересов, привела к формированию международной правящей элиты, и вместе с тем, к появлению многочисленных формальных и неформальных структур, в которых заняты сотни тысяч человек. Все эти люди фактически направляют деятельность современных западных государств, не имея на это, как правило, полномочий, предусмотренных

действующими законами. В сфере сверхгосударственности нет политических партий, как нет здесь и разделения властей; зато действует принцип секретности, а публичность сведена к минимуму.

Западнистская экономика переросла государственные границы и сферу действия национального законодательства. Армия юристов в крупных и сверхкрупных корпорациях работает над тем, как грамотно преодолевать юридические препоны, в частности, сокращать выплату налогов. Экономические гиганты действуют внутри западных стран как своего рода «автономные общества со своей социальной структурой, подобной структуре коммунистической страны». Подчиняются они только глобальному денежному механизму, который превратился в доминирующий фактор жизни западного мира.

Характерной чертой современной западной культуры становится неудержимый поиск новых и оригинальных форм. Ею овладевает едва ли не маниакальная идея изменений и новизны. Общество с восторгом принимает это стремление к новому любой ценой. Цена же оказывается довольно высокой. Искусство становится раскованным; ломая все жанры и стили, оно ставит на поток производство вызывающих и скандальных образов и сюжетов. Формируется идеологическая установка, согласно которой, искусство должно стать авангардом социального прогресса. Поскольку старые политические идеи исчерпали себя, радикализм переходит в область культуры. Если социальные структуры управляются экономическим принципом рациональности, то в культуре доминирует иррациональность. «Буржуазные» ценности отвергаются: отбрасывается самоконтроль и самодисциплина. Вместо отражения реальности культура призывается безоглядно творить новое.

Зиновьев полагает, что все это характеризует сверхкультуру западнизма. Она имела первоначальной предпосылкой классическую западноевропейскую культуру, которая была ориентирована на образованных и мыслящих людей. Но масштабы культуры в западном обществе изменились, как изменилось и ее положение в обществе, ее роль в жизни людей. Культура стала адекватной массовому потребителю, и уровень ее радикально понизился в сравнении с ее классическими формами. Новые технические средства производства культуры стали могильщиками социальных, моральных и эстетических ценностей традиционной западноевропейской культуры. Доминировать стал бизнес. Рыночная цена вытеснила эстетическую оценку. Новаторство стало поверхностным и мелочным; сложилась культура посредственностей и для посредственностей.

Подводя итог своему исследованию, Зиновьев делает вывод о том, что «социальная организация западнистского сверхобщества как целое есть диалектическое отрицание социальной организации западнистского общества. Она удерживает вторую в снятом виде». Вместе с тем она является отрицанием отрицания по отношению к социальной организации предобществ, выступая как бы возвратом к дообщественному уровню, но на более высоком этапе развития. Подразделения и функции социальной организации, которые в предобществе были слабо или вовсе не дифференцированы, а на стадии общества достигли предела дифференциации, здесь вновь переплетаются друг с другом, как бы сливаясь в единое целое. Происходит нечто наподобие возрождения догосударственных, доправовых, доэкономических и т. д. форм жизни. Поэтому многие авторы пишут о конце демократии и «свободного капитализма», моральной деградации и гибели культуры в современном западном мире, об упадке западной цивилизации. На самом деле все эти явления, полагает Зиновьев, свидетельствуют о переходе от эпохи обществ к эпохе сверхобществ.

Новая эпоха требует новых людей, и они действительно появились. В этих новых людях наблюдается ослабление и снижение роли тех человеческих качеств, которые раньше считались добродетелями, с моральной точки зрения. Теперь уже достойная жизнь достигается благодаря более надежным средствам,

чем прежняя «человечность». Таковы причастность к власти, деньги, умелое применение достижений науки и медицины, и вообще все то, что называют прогрессом. Деградация человека стала платой за прогресс сверхобщества, породивший своеобразного сверхчеловека, внутренне свободного от моральных и прочих человеческих ограничений.

Эмоциональная сфера этого сверхчеловека тоже ослаблена, хотя он отличается высоким мастерством имитации эмоций и чувств, умеет изобразить радость, веселость, бодрость, интерес к разным пустякам. Такой человек выглядит психологически упрощенным в сравнении с другими типами людей, зато он достигает высокого профессионализма в узкой сфере деятельности и умеет целесообразно реагировать на современные жизненные обстоятельства. Его внутренняя пустота компенсируется внешней функциональностью. Все, что избыточно с точки зрения выполнения деловых функций, ушло из его внутреннего мира. Вся бытовая жизнь «западоида» стандартизирована и формируется соответствующими специалистами. Индивидуальность здесь так же избыточна, как и для муравья.

Итак, «западоид» есть высший продукт эволюции человека. Это — искусственно выведенное существо, а не результат чисто биологической эволюции. Он действительно сверхчеловек, а сверхчеловек «в каком-то отношении есть деградация человека. Никакой прогресс не дается даром». Конечно, гуманисты прошлого мечтали не об этом. Но такой социобиологический робот стал абсолютной необходимостью существования западного мира. Этот мир живет очень сложной жизнью. Многие его функции могут выполняться только особым образом сформированными людьми. Не любые народы способны производить в достаточном количестве таких людей.

Западный мир в целом справился с этой задачей, породив в массовых масштабах сверхчеловека, который не просто должным образом ограничен, но и гордится этой своей ограниченностью и свысока смотрит на всех других людей, упиваясь своим превосходством. Западные народы развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. Для этого выработана идеология, стратегия и тактика всеобщей западнизации как особой формы колонизации. До недавнего времени у западнизма был конкурент — коммунизм. Теперь его нет. Сам же западный мир, в силу его внутренней социальной организации, не может, по мнению Зиновьева, изменить направление эволюционного процесса.

Таково, в весьма сжатом изложении, основное содержание обсуждаемой социально-философской концепции, развернутая версия которой дана в монографии «На пути к сверхобществу», а затем и в других работах. Поучительность обсуждаемой концепции в том, что она объясняет многие важные явления общественной жизни. Так, мы привыкли требовать от идеологии теоретической оформленности, ясной экспликации. Зиновьев же убедительно показывает, что идеология западнизма только выигрывает в плане практической действенности благодаря отсутствию жесткой кодификации. Это полезно было бы иметь в виду тем, кто занят поисками отчетливой формулировки белорусской национальной идеи.

О далеком историческом прошлом концепция Зиновьева говорит немного, и притом довольно отвлеченно. Вспомним хотя бы понятие *человеиника*, которое применимо и к предобществу, и к обществу, и к сверхобществу. А вот когда речь заходит о том, что происходило в течение XX и в начале XXI века, мысль исследователя обретает весьма отчетливую определенность и остроту. «Нерв» этой эпохи составляла борьба между коммунизмом и западнизмом. Правда, наряду с западной, существуют и другие цивилизации, которые едва ли безболезненно и без борьбы откажутся от своей самобытности и своих особых интересов. В работах Зиновьева незаслуженно мало места отведено, например, Китаю. Обсуждаемая концепция выиграла бы от более широкой ассимиляции в ней

материалов геополитики. Вопросы культуры тоже представлены в ней весьма бегло и довольно сумбурно. Если считать социологию всеобъемлющей наукой о социальной действительности, то она должна поглотить политологию, экономические науки, правоведение, культурологию и многое другое. Было бы весьма любопытно и поучительно, с точки зрения решения задач образовательной деятельности, создать такую широкую понятийную систему. На деле, однако, определенная дифференциация научных знаний об обществе представляется все же неизбежной.

Научные обществоведческие труды Зиновьева, при всей их внешней логической строгости, очень близки к его социологическим романам и нуждаются в них как существенном дополнении и иллюстрации. Может быть, это способно привлечь внимание современной читающей молодежи к предложенной им новой форме социальной философии, которая соединяет научные идеи и повседневные наблюдения, последовательные рассуждения и грустную иронию или даже сарказм. В многоголосье социально-философских учений прошлого и наших дней работы Зиновьева, отличающиеся не только теоретической глубиной, но и, так сказать, педагогичностью, призваны занять достойное место. Правда, как отмечал И. М. Ильинский, «зиновьевская социологическая концепция пока не востребована ни профессионалами-социологами, ни педагогическим сообществом»¹. Значительный интерес к ней проявили прежде всего политические деятели преимущественно «левого» направления. В относящихся к ней высказываниях философов заметно соединение уважительного отношения с элементами удивления. Активное включение социально-философских идей Зиновьева в современный социально-философский дискурс пока не наблюдается. Даже в международных чтениях, проходивших в Москве через год после его смерти и посвященных его памяти, некоторые выступления видных ученых и философов излагали их собственные разработки и лишь косвенно затрагивали его учение. Над включением его в содержание социально-гуманитарного образования предстоит еще немало поработать.

¹ Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции. М., 15—16 мая 2007 г. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 208 с.

